

Когда фигуры Пусике и Аливайи окончательно растворились в воздухе, а следом за ними исчезла и сама дверь, Эшли медленно открыла глаза. Она с трудом попыталась выпрямиться, опираясь на руки Оммании, чей обеспокоенный голос тут же донесся сбоку:

— Ты в порядке, мама?

Эшли уже хотела ответить, что всё хорошо, но тут её охватило недоумение: почему она вдруг потеряла сознание? Она подняла голову и взглянула на Омманию:

— Я... что со мной было?

— Только что великий Бог Света ниспослал мне откровение, — Оммания вздохнула и тут же добавила: — Увы, как жаль, что мне не достаёт мудрости богини Аливайи... Я оказалась слишком глупа, чтобы понять, что именно Бог Света хотел мне сообщить.

Когда божество ниспосылает откровение, присутствующим запрещено его слышать — это объясняло, почему Эшли лишилась чувств. Этот жалкий, полный досады вид мгновенно отвлек Эшли от подозрений. Она почти сразу поверила словам Оммании. Нежно взяв её за руки, она, как когда-то учила дитя несчастья, ласково произнесла:

— Не переживай, Оммания. Рано или поздно ты поймешь смысл откровения. Дай время ему, дай время себе.

Оммания покорно кивнула, глядя на Эшли, однако притворная печаль на её лице никуда не исчезла. Эшли взглянула на небо:

— Неужели скоро пойдет дождь? Похоже, нам пора возвращаться в наш домик.

— Тогда, мама, пойдем скорее.

Две фигуры скрылись на извилистой дороге, а стоило им уйти, как с неба действительно упали первые капли дождя.

В храме Наэрмики Эфэйтэ восседал на своем троне. Он сидел с закрытыми глазами, подперев голову рукой; несколько прядей светло-золотистых волос выбились из прически и приподнялись, словно птицы, пытающиеся вырваться из клетки.

В центре зала возникла дверь. Цзикаде, который до этого момента протирал свою Стрелу Страсти, поднял голову, и маленькие крылышки у него за спиной радостно затрепетали. Он подлетел к Эфэйтэ, и по всему залу разнесся его звонкий, по-детски чистый голос:

— Эфэйтэ, смотри, они вернулись!

Эфэйтэ слегка приоткрыл глаза, скрывая бирюзовый блеск зрачков под длинными ресницами. Аливайя, едва появившись из портала, уперла руки в бока и с недовольством обратилась к нему:

— Эфэйтэ, божественная власть Света не запрещала богам посещать места, где живут люди.

Пусике поспешно вышла следом, но опоздала — остановить Аливайю она не успела. У той всегда был переменчивый нрав, и Пусике надеялась вернуться первой, чтобы спокойно всё объяснить, но худшее из того, чего она опасалась, всё же случилось.

Эфэйтэ полностью открыл глаза и равнодушно посмотрел на Аливайю. В его взгляде не было и тени гнева, как не было и той любви, что она когда-то тщетно пыталась в нем разжечь. Его глаза напоминали запретные глубины океана — спокойные и безжизненные.

Аливайя продолжала изливать свое недовольство:

— Мы с тобой — древнейшие боги в этом собрании, неужели теперь ты хочешь лишить меня права свободно передвигаться?

Остальные боги в храме тоже почувствовали, как накалилась атмосфера. В этот напряженный момент со своего места поднялся красавец с ушами, напоминающими рыбы плавники. Он решил выступить в роли миротворца:

— Ну-ну, Аливайя, попридержи язык. Как-никак, Эфэйтэ для всех нас словно отец... Говоря так, ты выказываешь ему неуважение.

Он улыбнулся обоим божествам.

— О, Себастьян! — воскликнула Аливайя, прищурившись. — Как же я была слепа, когда всерьез слушала твои признания. Даже Бог Лжи не знает, насколько ты красноречив. Легко бросаешься сладкими словами, а теперь, попав в такую ситуацию, решил примкнуть к своему дорогому отцу?

Аливайя протянула руку, и любой мог заметить, что она буквально пылает адским пламенем ярости.

— Ой, Аливайя, не злись. Ведь моя любовь к тебе была такой, что даже бог любви впечатлился бы.

Сказав это, Себастьян с нежностью взглянул на Цзикаде, который кружил рядом с Эфэйтэ. У того по спине пробежали мурашки, и он поспешил спрятаться за спину Эфэйтэ, выглядывая оттуда лишь одними глазами.

Этот негодяй даже при Эфэйтэ решил ему отомстить!

Когда-то, получив отказ от Аливайи, Себастьян умолял Цзикаде выпустить в неё Стрелу Страсти. Он хотел, чтобы самая красивая женщина в мире полюбила его, и пообещал в ответ подарить Цзикаде кита. Себастьян был Богом Морей, и для него убить морское существо не составляло труда. Цзикаде, из-за крыльев за спиной не способный погружаться в воду, никогда не видел китов и потому согласился на сделку.

Но все в этом мире слишком долго обманывались первым эпитетом, которым наделили Богиню Красоты и Мудрости. Все считали, что Аливайя лишь хороша собой, не подозревая, что её истинная сила — это мудрость, накопленная за века, пока она наблюдала за падением многих других богов.

Аливайя легко увернулась от Стрелы Страсти и с помощью своей силы заставила её изменить траекторию, направив прямо в инициатора сделки — Себастьяна.

Пытаясь убежать, Себастьян был пронзен собственной стрелой. В этот момент из морских глубин любопытная Сирена, привлеченная звуками с суши, высунула голову из воды. И этот взгляд едва не стал для неё последним: владыка океана лежал на земле и с безумной страстью смотрел прямо на неё.

Сирена тут же попыталась сбежать, но стрела уже подействовала. Себастьян обезумел от любви к этой Сирене и в тот же вечер похитил её, чтобы сыграть свадьбу.

Аливайя тогда даже заглянула в подводное царство, чтобы поглазеть на торжество. Она одарила невесту благословением: если Себастьян посмеет распустить руки, он тут же ощутит такое удушье, будто его, как морскую рыбу, выставили сушиться под палящим солнцем.

— Это тебе наказание, Себастьян.

Аливайя стояла в подводном дворце и смотрела сверху вниз на Себастьяна, который в муках катался по полу, сжимая собственное горло. На другом конце кровати дрожала несчастная Сирена с разорванным платьем.

Аливайя перевела взгляд с Сирены на её хвост и усмехнулась:

— Так жаль, что такой прекрасный хвост, переливающийся, словно перламутр, пропадает здесь, в морской пучине...

Сирена сжалась в комок, а Аливайя, резко сменив тон, спросила:

— Хочешь обрести ноги?

<http://bllate.org/book/18502/1777530>